

УДК 82.09-3:070

DOI: 10.26456/vtfilol/2025.3.250

ВЛАДИМИР НАБОКОВ ГЛАЗАМИ ЕГО ИНТЕРВЬЮЕРОВ

К. Касимова

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

На материале комментариев журналистов к интервью с В. Набоковым, а также их личных воспоминаний о нем выделяются некоторые черты публичного образа писателя. Делается вывод, что публичное поведение Набокова и его рецепция интервьюерами были обоюдно созидаемым процессом: Набоков закреплял перед аудиторией желаемое о себе представление, комментарии интервьюеров его усиливали и подтверждали. Воспоминания и комментарии набоковских интервьюеров дополняют знания о Набокове-писателе и Набокове-человеке.

Ключевые слова: В. Набоков, интервью, воспоминания, публичный имидж, медийная персона, публичное поведение.

У В. Набокова был особый способ общения с журналистами, заключавшийся в том, что если интервьюер, по определению самого писателя, «жаждал нанести (ему) визит», то для этого он должен был соблюдать «три неперемennых условия»: присылать заранее в письменном виде свои вопросы; быть готовыми получать ответы на них также в письменном виде (Набоков считал себя «чудовищно косноязычным» и редко рисковал говорить импровизированно); при публикации ответы на вопросы должны были «воспроизводиться дословно». Также Набоков оставлял за собой право просматривать корректуру и вносить правки – на случай, если журналист увлечется «украшением» его «подлинных ответов» «сочными подробностями» [6, с. 9–11; 7, с. 279].

Такой подход говорит о том, что писатель рассматривал интервью не только как способ формирования писательской репутации и выражения своего творческого кредо, но и как органическую часть творчества. В ином случае Набоков едва ли стал бы, как пишут В.В. Кочергина и Н.Г. Мельников, «идти на <...> значительные ухищрения, чтобы построить оригинальную тактику <...> общения с журналистами» и уделять изрядное количество времени на работу с «сиюминутным», «маргинальным с точки зрения высокой литературы» жанром [3, с. 293; 4, с. 34]. Особый статус своих интервью Набоков закрепил в сборнике нехудожественной прозы «Строгие суждения» (1973), большую часть которого он отдал именно им. Располагая «текстами приблизительно сорока интервью», писатель оставил те из них, в которых устранить «цветистые журналистские измышления» ему «удалось без особого труда» – это было сделано,

© Касимова К., 2025

по словам самого Набокова, для того, чтобы его «записанное на бумаге интервью» приобрело «идеальную» форму [6, с. 9].

«Строгие суждения» получили в набоковедении «продолжение» в виде двух других сборников: «Набоков о Набокове и прочем: интервью, рецензии, эссе» (2002) под редакцией Н.Г. Мельникова и “Think, Write, Speak. Uncollected Essays, Reviews, Interviews and Letters to the Editor” (2019), подготовленный Б. Бойдом. Составители сохранили установку Набокова на размещение текстов его интервью без вступлений / отступлений журналистов, оставляя только вопросно-ответную часть. Решение было оправдано, ведь интервью Набокова – это прежде всего отражение *его* суждений, а не суждений интервьюеров. Но совсем оставлять за скобками «измышления» интервьюеров все же не следует, ведь интервью – результат обоюдной работы. Потому цель нашего исследования – проанализировать несколько интервью Набокова в разные периоды его славы (1963 г. – триумф «Лолиты», успех «Бледного огня»; 1969 г. – пик славы («Ада»); 1974–1975 гг. – «сумерки» славы («Смотри на арлекинов!»)) в том их виде, в котором они публиковались на страницах крупных изданий, попадая в круг чтения широкой аудитории. Нас будет интересовать, в первую очередь, присутствие в этих текстах впечатлений интервьюеров, которые, так или иначе, становились частью того публичного имиджа Набокова, который он конструировал посредством бесед с журналистами: имиджа «эстета и сноба, исповедующего идеалы “чистого искусства”, <...> нарочито равнодушного к политике <...> вопросам морали и социальным проблемам», «Мастера, не подверженного <...> влияниям» [4, с. 24]. Там, где это возможно, рецепция Набокова интервьюерами будет дополнена их более поздними воспоминаниями о встрече с писателем.

В марте 1963 г. Набокова в Монтрё посетил корреспондент журнала “Playboy” Элвин Тоффлер (будущий известный философ, социолог). От встречи с писателем у него остались весьма яркие впечатления, о которых он рассказал в интервью Ю. Левингу для “Nabokov Online Journal”. По словам Тоффлера, идея сделать героем интервью именно Набокова исходила от него и его жены Хайди Тоффлер – той весной они как раз находились в Европе. Раздел интервью в “Playboy”, добавляет Тоффлер, «был самой серьезной частью журнала», и М. Фишер, помощник главного редактора, всегда учитывал фактор читательского интереса к героям интервью – кандидатура Набокова, автора «Лолиты», мирового бестселлера, стала идеальным вариантом [8, с. 234].

В Монтрё Тоффлеры провели неделю, ожидая, пока Набоков даст ответы на их вопросы. Тоффлер с таким подходом столкнулся впервые: у него был опыт взятия интервью у «конгрессменов, сенаторов и прочих влиятельных лиц», но «стремление Набокова к тотальному контролю» удивило его [Там же, с. 237]. Во вступлении Тоффлера к интервью, кроме общих сведений о “Vladimir’e Vladimirovich’e Nabokov’e”, также есть

небезытересные замечания. «Пересказ биографических фактов» способен, по Тоффлеру, очертить только «внешнюю сторону Набокова», и не более того. Набоков, пишет Тоффлер, «редко дает интервью. На встречу с “Playboy” он согласился только убедившись, что предложенные ему для обсуждения темы достойны его внимания. <...> На вопросы он отвечал со свойственными ему лукавством, искренностью, иронией, едким остроумием и уклончивостью. <...> Несмотря на теплую атмосферу наших встреч, казалось, что скрытая в нем вселенная постоянно манит его прочь от <...> внешнего мира». Разговоры с Набоковым, резюмирует Тоффлер, «скорее скрывают» его личность, «и, похоже, ему это нравится» [11, с. 35–36].

Осенью 1969 г. шла подготовка перевода романа Набокова «Ада» на итальянский язык, и писателю приходилось соглашаться на интервью итальянским изданиям [1, с. 682]. К нему в Монтрё прибыла делегация корреспондентов, члены которой также зафиксировали свои размышления от встречи с синьором Набоковым. Клаудио Горльер из “Corriere della Sera” замечает, что не склонный к «громкой рекламе» Набоков все же «не избегает эпизодических встреч» с журналистами и «не уклоняется от вопросов» [5, с. 486]. При этом Горльеру хочется добиться большей «конкретики» в ответах знаменитого писателя. Особенно ему интересен вопрос интертекстуальных связей в его творчестве, но именно здесь Набоков становится «уклончивее». Горльер пробует пробить «брешь» в «защите» Набокова, спрашивая о свойственной его текстам иронии следующим образом: «Эта ирония никогда или почти никогда не рождается из джойсовских приемов, игры слов, не правда ли?». Используя недоверчиво-ироничную конструкцию «не правда ли», интервьюер ищет способ «уязвить» собеседника намеком на его сходство с Дж. Джойсом (Набокова вопросы о «влияниях» изрядно раздражали, и о его «джойсовской» склонности к каламбурам – в том числе). На грубоватую по своей подаче «провокацию» Набоков не поддается и уверенно парирует: «Ирония, основанная на игре слов еще хуже, чем ирония сама по себе». Интервьюеру приходится смириться с тем, что «защитная “стойка”» Набокова никогда не ослабнет [Там же, с. 486–487].

Гаэтано Тумьяти из “La Stampa”, интервьюируя Набокова, делится следующими наблюдениями: «Его лицо <...> несет отпечаток <...> изменчивости; губы <...> сложенные в <...> улыбку или ухмылку, порой скептически поджимаются; <...> глаза излучают детскую незащищенность, <...> нарушаемую ироническим подмигиванием и искрами холодного высокомерия». Умение Набокова уклоняться от вопросов Тумьяти сравнивает с мастерством «виртуозного фехтовальщика». Как и К. Горльер, Тумьяти пробует уязвить Набокова, «этого великого эгоиста», задав ему вопрос об отсутствии в его творчестве общественных «идей». Но ответы «великого эгоиста» подтверждают, что никакие «идеи» ему не интересны – желание Тумьяти «задеть» писателя, указав на его «недостаток», не

исполняется, и он кажется раздосадованным. Набокову, продолжает он, «никто не нужен»: он пишет, ловит бабочек и составляет головоломки. «Мнение критики» Набокова также не волнует, а чье бы то ни было влияние на себя он «невозмутимо отрицает» [Там же, с. 488–489].

Костанцо Костантини из “Il Messaggero” также сначала портретирует Набокова: «холодные», «прозрачно-голубые» глаза, «выражение подозрительности» на лице, «дымчато-серый костюм», «ярко-синий» галстук, «утонченная внешность». Манера писателя вести беседу напоминает ему игру в шахматы: Набоков «притворяется, что не понял <...> собеседника», дабы «выиграть время» и ударить «точными словами». Выводы Костантини о характере Набокова той же направленности, что и у коллег: писатель кажется человеком «странным» и «недоступным», замкнувшимся «в своей личной маленькой вселенной». Резюмируя, Костантини пишет: «Сомневаюсь, что Владимир Набоков был искренен в <...> примитивном смысле слова. <...> многоликий и неуловимый, он взвешивает каждый свой поступок, каждое <...> слово – все, что делает» [Там же, с. 490–492].

В сентябре 1974 г. к Набокову для взятия интервью прибыл корреспондент журнала “Esquire” Джеральд Кларк, предварительно согласовав визит с женой писателя Верой Набоковой. Как всем другим журналистам, «бьющимся за право» аудиенции у Набокова, Кларк должен был придерживаться правил: предоставить вопросы в письменном виде, зафиксировать только то, что Набоков «в действительности произнесет» и пообещать ему показать гранки и внести в них «любые изменения». «Первые два условия принять было нетрудно», – делится Кларк: он готов был прислать вопросы заранее, а «перевирать» высказывания писателя он «не собирался». Но с третьим условием он как журналист не смог согласиться, о чем и сообщил в письме к В. Набоковой, которая в итоге «снисходительно» его сняла [2].

Материал о Набокове Кларк начинает с мысли о том, что именно знаменитый писатель кажется «главной достопримечательностью Швейцарии», а вовсе не Альпы. Известно, продолжает Кларк, что Набоков умеет давать ядовитые отповеди критикам и порой «стирать в пыль» тревожащих «его альпийский покой» – это заставляет визитеров испытывать неподдельный страх перед встречей с ним. Но тех, кого Набоков соглашается принять, он встречает с «изысканной учтивостью». При личной встрече, уверяет Кларк, «Монстр из Монтрё» вовсе не так страшен, как кажется. В «устном общении» писатель оказывается столь же «любезен», сколь «нелюбезен в письменном», – продолжает Кларк. Так, Набоков лично исправляет опечатку в его экземпляре «Смотри на арлекинов!» и «с радостью» принимает привезенный ему подарок – «томик “Майрона” Гора Видала», который недавно вышел в США. В ходе беседы Набоков, пишет Кларк, попеременно был то «прекрасным остроумным рассказчи-

ком», то «въедливым интервьюером, задававшим мне <...> больше вопросов, чем я ему» [Там же].

В январе 1975 г. в Америке готовился к выходу сборник рассказов Набокова «Истребление тиранов», в связи с чем за несколько недель до этого события корреспондент журнала “People” Джеймс Солтер опрашивал Набокова вопросы для интервью [10, с. 449]. Набоков выразил сомнение относительно его целесообразности: по его мнению, интервью с ним для “People” вряд ли явилось бы предметом интереса читателей журнала. Вопросы Солтера писатель счел подходящими, но для ответов на них должным образом ему потребовалось бы «неоправданно много времени». Поэтому Набоков предложил прислать ему готовый макет статьи, чтобы он мог проверить «фактическую сторону материала», и, в свою очередь, назначить время для фотосессии [9, с. 542–543]. Встреча Солтера с Набоковым, таким образом, состоялась, а в 2007 г. Солтер опубликовал эссе “Finding Nabokov” («В поисках Набокова»), в котором выразил отношение к Набокову-писателю, а также поделился воспоминаниями о нем. Так, Солтер пишет, что впервые он наткнулся на фамилию «Набоков» примерно в 1950-м – с непривычки он произнес ее «неправильно, с ударением на “Наб”». Но ему «хватило одного взгляда на <...> главу из “Память, говори”, чтобы понять, на что (разрядка моя. – К. К.) способен этот писатель», а именно: сделать так, что его тексты запоминаются сразу и навсегда. Что до встречи в Монтрё, то она была неофициальной частью интервью. Набоков «оказался терпеливым и легким в общении собеседником», и они «проговорили почти час». «Моя встреча с Набоковым, – продолжает Солтер, – произошла за два года до его смерти. Сейчас, с расстояния в 30 лет, он кажется мне величественнее, чем тогда: такое восприятие похоже на то, как сегодня мы смотрим на древние соборы и города. Тогда же он казался просто человеком» [12, с. 328].

Подводя итог, скажем, что журналистам, готовящимся взять интервью у В. Набокова, необходимо было подстраиваться под его правила, лишаящие их возможности «вести» интервью, то есть задавать вопросы в режиме реального времени и получать на них ответы сразу же. Контролируя процесс интервьюирования на всех стадиях, Набоков сводил к минимуму признаки «присутствия» личности журналиста в интервью с ним. Однако без интервьюера интервьюируемому все же не обойтись.

Впечатления журналистов от общения с В. Набоковым добавляют не то чтобы новых, но интересных, на наш взгляд, деталей к его образу. Интересны они тем, что представляют собой результат их одномоментных, фиксирующих образ собеседника здесь и сейчас, наблюдений. Восприятие Набокова надменным, равнодушным к критике, не терпящим идейности в литературе и «посягательствам» на свою творческую самобытность художником складывалось не только из его высказываний в интервью – публичный образ писателя формировался и поддерживался также

«измышлениями» журналистов. Так, Э. Тоффлер обращает внимание на необычность манеры Набокова давать интервью, на его стремление к полному контролю. На свойственные его ответам лукавство и искренность одновременно. Тоффлер приходит к выводу, что интервью с Набоковым – не более чем набор фактов о нем, и что разговор с Набоковым о Набокове больше скрывает, чем раскрывает. Итальянские журналисты К. Горльер, Г. Тумьяти и К. Костантини сравнивают интервью с Набоковым с поединком, игрой *не* на равных, и отмечают противоречивость публичного поведения писателя: его улыбка может смениться ухмылкой, а высокомерие – беззащитностью. В их восприятии Набоков предстает «закрытым» и «холодным» человеком. Не исключено, что в данном случае сказалась также разница менталитетов: итальянским корреспондентам как представителям более открытой, эмоциональной культуры сдержанный, отстраненный Набоков вполне мог показаться «холоднее», чем был на самом деле. Дж. Солтер пишет о Набокове с позиции отдаленного воспоминания, и образ писателя ностальгически эстетизирован – журналист делает акцент на разнице восприятия им фигуры Набокова в момент встречи с ним (невероятный писатель и «просто человек») и спустя три десятилетия – писатель Набоков, обретший величие. Портрет Набокова, рисуемый Дж. Кларком, самый непринужденный в стилистическом плане. Набоков Кларка – это знаменитый американский прозаик, ведущий отшельнический образ жизни в стенах роскошного отеля. Писатель, имеющий репутацию великого (и «ужасного») мэтра, который вблизи не внушает страха, являя собой образец учтивости, остроумия и дружелюбия. Как видим, общим знаменателем в восприятии В. Набокова интервьюерами становится его двойственность, его многоликость и неуловимость.

Список литературы

1. Бойд, Б. Владимир Набоков: американские годы. Биография. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2010. 950 с.
2. Кларк, Дж. Как это – побывать в гостях у Набокова [Текст: электронный] // Правила жизни. 22.04.2022. URL: <https://www.pravilamag.ru/articles/7880-best-clarke/> (дата обращения: 15.07.2025).
3. Кочергина, В.В. Жанровая специфика интервью Владимира Набокова как имитация диалога // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ: в 15 т. Т. 14. Санкт-Петербург, 2015. С. 291–295.
4. Мельников, Н.Г. Сеанс с разоблачением, или Портрет художника в старости // Набоков о Набокове и прочем: интервью, рецензии, эссе. Москва: Независимая Газета, 2002. С. 7–47.
5. Мельников, Н. Г. Писатель и папарацци: итальянские интервью Владимира Набокова // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Вып. 2. Москва: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2011. С. 485–487.

6. Набоков, В. Строгие суждения. Москва: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. 416 с.
7. Набоков о Набокове и прочем: интервью, рецензии, эссе. Москва: Независимая Газета, 2002. 704 с.
8. Leving, Yu. Lost in Transit: An Interview with Alvin Toffler [Electronic resource] // The Goalkeeper: The Nabokov Almanac, 2010. P. 230–238. URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt1zxsk4n.20?seq=9> (дата обращения: 16.07.2025).
9. Nabokov, V. Selected Letters. 1940-1977. New-York: Harcourt B. Jovanovich / Brucoli C. Layman, 1989. 584 p.
10. Nabokov, V. Think, Write, Speak. Uncollected Essays, Reviews, Interviews and Letters to the Editor. London: Penguin Modern Classics, 2019. 576 p.
11. Playboy Interview: Vladimir Nabokov: A Candid Conversation with the Artful, Erudite Author of «Lolita» // Playboy. 1964. Vol. 2. № 1. P. 35–45.
12. Salter, J. Finding Nabokov: The Gift // Vogue. 2007. September. P. 328; 334.

VLADIMIR NABOKOV THROUGH THE EYES OF HIS INTERVIEWERS

K. Kasymova

Ural Federal University, Yekaterinburg

Based on the material of journalists' comments on the interview with V. Nabokov, as well as their personal memories of him, some features of the writer's public image stand out. It is concluded that Nabokov's public behavior and its reception by the interviewers were a mutually creative process: Nabokov consolidated the desired image of himself for the audience and the interviewers' comments reinforced and confirmed it. The interviewers' memoirs and comments expand the understanding of Nabokov as a writer and as a man.

Keywords: *V. Nabokov, interviews, memories, public image, media personality, public behavior.*

Об авторе:

КАСЫМОВА Карина – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51), e-mail: kasymovak@list.ru.

About the author:

KASYMOVA Karina – Postgraduate Student at the Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University (620000, Yekaterinburg, 51 Lenin Pr.), e-mail: kasymovak@list.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.07.2025 г.

Дата подписания в печать: 15.09.2025 г.